

СТАТЬИ / PAPERS

В.И. Абрамова
V.I. Abramova

«ТУЛЬСКИЙ КОСОЙ ЛЕВША»: ОБРАЗ-СИМВОЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

"CROSS-EYED LEFTY FROM TULA": IMAGE-SYMBOL OF THE REGIONAL IDENTITY IN THE SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Произведение Н.С. Лескова «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» становится в русской словесности источником образа-символа национального русского характера, рабочего мастерства и региональной идентичности. Соотнесенность с Тулой обозначается в первоначальном заглавии произведения, замененном впоследствии на краткое «Левша». В самом сказе образ оружейника непосредственно связан с тульским контекстом. Выдавая придуманную им историю за фольклорный текст, Лесков в предисловии к первому изданию связывает сюжет с Тульским регионом. Опровергая свой вымысел, автор придумывает еще один псевдофольклорный текст (прибаутку), в котором снова актуализируется связь с Тулой (используется катойконим «туляки»). Привязка к региону сохраняется у образа Левши в произведении, написанном по мотивам лесковского сказа, – пьесе Е. Замятина «Блоха». Тульскими названы в афише Левша, купец, девка Машка. Тульский колорит приобретают и Петербург с царским дворцом, и Англия. Образ Левши и сюжет лесковского сказа у Замятина подвергаются трансформации, которая все же не затрагивает «региональный компонент». В сказе И. Панькина «Легенды о мастере Тычке» Левша репрезентирован в нескольких вариантах: персонаж, аллюзия и символ региональной идентичности. Символьную привязку к тульскому контексту поддерживают другие образы сказа (оружие, самовар, пряник, гармонь, баян, Кремль и т.д.). Левша осознается читателем как органично включенный в этот ряд образ. Фигурирует образ Левши в двух лирических текстах (у М. Светлова и А. Башлачева). Здесь он теряет региональную привязку, расширяет значение, становится символом национальной идентичности, воплощает отмеченную исследователями пространственную и временную потерянную, свойственную русскому мироощущению. Расширение значения прецедентного имени Левша можно отметить и в области русского языка. Теряется привязка и к региону, и к оружейному мастерству. Антропоним включается в ассоциативные ряды, уводящие его от первоначальной соотнесенности.

Ключевые слова: образ-символ, региональная идентичность, Тула, Лесков, Замятин, Панькин, сказ.

"The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea" by Nikolai Leskov becomes a source of an image-symbol of the Russian national character, workers' craftsmanship and regional identity in the Russian language and literature. Association with Tula is indicated in the initial title of the story, which was later replaced by a short one – "Lefty" ("Levsha"). In the tale itself, the image of the arms craftsman is closely connected with the Tula context. Passing the invented story off as a folk text, Leskov relates the plot to the Tula region in the preface to the first edition. Disclaiming his invention, the author invents one more pseudo-folk text (facetious saying), in which the connection with Tula is emphasized again (a katoikonym 'tulyaki' (Tula citizens) is used). The image of Lefty (Levsha) retains the association with the region in "The Flea" by Y. Zamyatin, a play based on Leskov's tale. The "Tula" attribute is added in the list of characters to Lefty, the merchant, girl Mashka. Even St. Petersburg with the tsar's palace and England are tinged with the Tula colour. Lefty's image and the plot of Leskov's tale are transformed by Zamyatin. However, this transformation does not affect the "regional component". In "The Legends of Master Tychka" by I. Pankin, Lefty is represented in several variants: a character, an allusion and a symbol of regional identity. The symbolic association with the Tula context is also maintained by another images of Pankin's tale (arms, samovar, cake, accordion, bayan, Kremlin, etc.). Lefty is perceived by a reader as an image organically built into this row. Lefty's image features in two lyrical texts by M. Svetlov and A. Bashlachev. There this image loses its regional reference, expands its meaning, becomes a symbol of national identity, embodies the spatial and temporal disorientation peculiar to the Russian world-view, as it is noted by the researchers. Extension of the meaning of the precedential name "Levsha" also can be observed in the field of the Russian language. The name loses both its regional relatedness and reference to arms craftsmanship. The anthroponym is included into associative arrays, which lead it away from its original reference.

Key words: image-symbol, regional identity, Tula, Leskov, Zamyatin, Pankin, tale.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-56-1-5-12

В 1881 г. в газете «Русь» был впервые напечатан «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» Н.С. Лескова. Произведение имело подзаголовок «Цеховая легенда» и сопровождалось предисловием, в котором автор доверительно рассказывал читателям о том, что услышал эту историю от тульского оружейника [1, 499]. Год спустя в открытом письме в газету «Новое время» он признается: «нет никаких народных сказов... левша есть лицо мною выдуманное», при этом прибегает к новой мистификации: «Все, что есть чисто народного в "сказе о тульском левше и стальной блохе", заключается в следующей шутке или прибаутке: "англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали"» [8, 219]. Примечательно, что в книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» такого выражения не зафиксировано. О туляках, согласно Далю, говорят «стальная душа» и «блоху на цепь приковали» [5, 341]. Б.Я. Бухштаб доказывает, что поговорку об англичанах Лесков тоже придумал, опираясь на зафиксированное у Даля выражение [2]. Таким образом, Лесков создает не только текст, благодаря сказовой манере максимально приближенный к фольклору, но и контекст для его восприятия.

Портрет заглавного героя создан автором также с опорой на фольклор, на мифологическую картину мира, которую он отражает. Про оружейника сказано: «косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдранны» [9, 35]. Левое в славянской традиции включается в семантическую оппозицию с правым и мыслится как отрицательное, связанное с демонической сферой [16, 235]. Знаком подобной связи считается и кривизна. Кривым в народной речи может быть назван одноглазый или хромой человек, в некоторых случаях так именуют и косоногого [14, 674]. Родимое пятно воспринимается в народном сознании как знак судьбы, а также может свидетельствовать о

нечистоте и демонической природе человека [16, 446]. Через леворукость, дефект зрения и родимое пятно персонаж трижды маркирован как особенный, причастный к миру иному, связанный с нечистой силой. Если принять во внимание, что Левша по роду занятий кузнец, то образ его еще больше демонизируется. «Кузнечное ремесло в народной традиции считалось высшим умением, искусством, связанным со сверхъестественным знанием, колдовством, в том числе общением с нечистой силой, чертями» [15, 22].

Одновременно черты тульского оружейника могут быть трактованы не только как «демонические», но и как заданные с противоположным знаком. Кузнец в славянской традиции – это культурный герой, победитель змея и черта. Божьими кузнецами мыслятся святые Кузьма и Демьян, Илья-пророк кует молнии, чтобы поражать ими чертей [15, 21–22]. Левое в народной традиции означает не только причастность к демонической сфере, но и считается «средством противодействия нечистой силе и защиты от нее»: «Когда поднимается вихрь, в котором, по поверьям, крутится нечистая сила... надо было трижды перекреститься левой рукой» [16, 235]. Левша в сказе тоже крестится левой рукой, когда англичане подносят ему алкоголь. Таким образом, Лесков не ставил перед собой задачу создать инфернального персонажа. Напротив, он даже включил сказ про Левшу в цикл «Праведники».

Леворукость оружейника можно рассматривать и в контексте других культурных оппозиций. Если правое соотносится со счастьем, удачей, здоровьем, плодородием, богатством, жизнью, то левое – с бедой, неудачей, болезнью, бесплодием, бедностью, смертью. Второй ряд может быть полностью связан с лесковским персонажем: он беден, подвержен пьянству, подкованная им и его товарищами блоха не танцует, его поездка за границу не может быть названа успешной, его попытки докричаться до власти бесплодны, он умирает всеми забытый. Прожитая им жизнь полна неудач. Кстати, родимые пятна, которые человек не может увидеть сам, тоже указывают на его невезучесть [16, 446], а у Левши, как мы помним, «на щеке пятно родимое», которое без помощи зеркала самому увидеть невозможно.

Интересную точку зрения, касающуюся прозвища оружейника, высказывает И.Н. Минеева: оно создает эффект «зазеркалья», а также подчеркивает не востребуемость героя в «правом» русском мире, где он чувствует себя чужим [10, 74].

Созданный Лесковым персонаж амбивалентен: в его облике и судьбе сочетаются сакральное и инфернальное, праведность и греховность, счастье и несчастье. Столь же противоречивыми были оценки Левши и его действий в прижизненной Лескову литературной критике. Он «существо низшего порядка» и великий русский человек, заткнувший за пояс иностранца; горький пьяница и гениальный мастер; блоху подковал, но одновременно сломал. Сохраняется такая оценка и до сих пор.

В советское время образ Левши по идеологическим причинам подвергся мифологизации и идеализации. Он вписался «в парадигму советского национального мифа» [7, 355]. На первый план выдвигались его мастерство, тонкость работы, умение создавать миниатюрные вещи без «мелкоскопа», патриотизм, притеснения его царским режимом. На пьянство и необразованность не обращали внимания. Левша превратился в обобщенный образ умельца из народа.

Для города Тулы лесковский герой стал символом региональной идентичности, визуализированным в городском пространстве и в сувенирной продукции. В 1989 г. на территории Тульского машиностроительного завода был поставлен памятник Левше (скульптор Б. Кривохин), в 2009 г. его вынесли за ограду и установили на улице для всеобщего обозрения. В городском арт-пространстве Ликерка Лофт в 2016 г. был установлен еще один памятник Левше, который называется «Укрощение блохи» (автор идеи – тульский издатель И. Золотов, скульптор – Ю. Шурупов). Блоха увеличена до невероятных размеров (3,5 метра) и состоит из патронов, гильз, пулеметных лент и частей оружия. Подковывающий ее Левша должен воплощать Добро, борющееся со злом.

В 2018 году Тула была объявлена новогодней столицей России. Одной из эмблем, используемых в оформлении городского пространства к празднику, стало изображение Левши, выковывающего снежинку.

Имя Левши стало вербальным символом региональной идентичности. В Туле созданы региональная общественная организация «Клуб историко-технического стендового моделизма "Наследие Левши"», тульская волейбольная команда «Левша», спортивный клуб дзюдо и самбо «Тульский Левша». Ежегодно проводится всероссийская олимпиада школьников по физике «Наследники Левши». Федеральный туристический маршрут «Тула оружейная», разработанный в области, включает памятник «Левша – символ рабочего мастерства». Название «Тульский Левша» носят выставка народных промыслов и этнодвор; организуются событийные мероприятия: «Чаепитие с Левшой», «День Левши»; создается специальная резиденция Левши, так называемый «Левшеград». В Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого открыт зал «Левша», в котором проводятся студенческие мероприятия.

Б.В. Черенкова отмечает, что под влиянием развития туризма в ассоциативное поле антропонима «Левша» входят слова «пряник», «самовар», «чай», «гостеприимство». Анализ современных СМИ позволяет сделать вывод о расширении лексического фона антропонима. Появляются «новосибирский Левша», «омский Левша», «краснодарский Левша», т.е., с одной стороны, используется заданная Лесковым модель («тульский левша»), с другой стороны, исчезает непосредственная привязка к Туле. Расширяют значение антропонима и слова / словосочетания, с которыми он употребляется или ассоциируется: прилагательные (легендарный, удивительный, смекалистый, знаменитый, лучший, тульский, русский, достойный, уникальный, талантливый); существительные (преемственность, наследники, достояние, умельцы, традиции, обычаи, символ, смелость, сила, мастерство, самоотдача, преданность); глаголы (прославлять, украшать, следовать, продолжать, сохранять, преумножать, поражать, удивлять, возрождать, гордиться, восхищаться); словосочетания (связь поколений, потомки Левши, дело предков) [17, 1141–1142].

Антропоним «Левша» функционирует как прецедентное имя в художественных и публицистических текстах: «У ампулы имела крышечка, которую мог открыть только гном или русский умелец левша» [Екатерина Завершнева. Высотка (2012), НКРЯ]; «за семью замками, уж такими замками, что не сразу, не скоро откроешь, как ни старайся, как ни кумекай, будь ты хоть Левша» [В.Д. Алейников. Тадзимас (2002), НКРЯ]; «Каждый раз были допущены свои ошибки при изготовлении и отладке, сложился свой режим эксплуатации, есть свой Левша-механик» [Сергей Чернышев. Управление собственностью: русский стандарт (2004) // «Эксперт», 20.12.2004, НКРЯ]; «Новый тульский левша значительно продвинулся по сравнению со старым тульским» [В.А. Александр. Все для офиса, все для победы! (1997) // «Столица», 01.07.1997, НКРЯ]; «Так вот, современный Левша, пользуясь микроскопом МРІ-5, смог бы не только подковать блоху, но даже измерить толщину волосинок на лапках, оценить содержание сухого вещества в клетках, коэффициенты диффузии и преломления» [Александр Портнов. Стереоскан и другие // «Техника – молодежи», 1975, НКРЯ]. В современном культурном сообществе Левша в шутку называется основателем нанотехнологий.

Прецедентное имя способно моделировать языковые ситуации: «Ну, Паша, ты прямо Левша у нас, Кулибин ты наш домовый» [Георгий Елин. Точка росы (1980), НКРЯ].

Левша по-прежнему воспринимается как представитель народа, который тщетно пытается достучаться до власти: «И не докричаться пока этим уникальным специалистам до верхов, как не смог этого сделать и их прародитель Левша: "Передайте императору, что нельзя ружья кирпичом чистить!"» [В.А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя, доминированием в технологиях – можно // «Огонек», 2016, НКРЯ].

В некоторых контекстах сохраняется негативная оценка действий Левши: «Во всякой редакции есть свой "левша", который так умеет "подковать блоху", что она перестает "прыгать"» [Александр Терехов. Бабаев (2003), НКРЯ].

Некоторые авторы виртуозно вплетают слово «левша» в его прямом значении в такой контекст, в котором актуализируется отсылка к лесковскому сказу и его образной системе: «В том году вместо травмированного Бышовца в Киеве заиграл Блохин. Левша и лебедь советского футбола» [Б.Е. Клетинич. Мое частное бессмертие (2015) // «Волга», 2016, НКРЯ]. О.В. Блохин – легендарный советский форвард – был левшой. Помещая в близкий контекст его фамилию и его особенность, автор статьи создает практически оксюморон: блоха и подковавший ее Левша сливаются в образе одного человека.

Если говорить о «жизни» Левши в пространстве литературы, то он становится героем других художественных текстов, отсылающих нас к лесковскому сказу. В 1925 г. Е. Замятин создает пьесу «Блоха», которая была поставлена в Москве во МХАТ-2 и в Ленинграде в Большом драматическом театре. Левша в этом произведении напоминает Иванушку-дурачка из русских народных сказок: «идет с гармошкой, пиликает. Ему подставляют ногу – он падает. Смех. Встает, снимает картуз, сморкается в него, опять надевает на голову. Девки толкаются локтями, кажут пальцами на Левшу» [6]. Судя по характеристике, которую дает ему один из персонажей, оружейник беден: «первый тульский богач, в одном кармане – блоха на аркане, а в другом – мощи тараканьи – пожалте на поклонение!» [6]. Лесковский Левша также небогат. Костюм его, особенно после трепки, заданной Платовым, оставляет желать лучшего: «Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван» [9, 44]. Однако он полон собственного достоинства: «Что ж, и такой и пойду, и отвечу» [9, 44].

Возраст Левши у Лескова обозначен условно. Он рассказывает англичанам, что у него есть родители – старичок и старушка, – а сам он «в холостом звании». Но насколько он молод, сказать весьма трудно. Невесты у него нет. И он очень серьезно рассуждает о свадьбе, сватовстве и взаимоотношениях мужчины и женщины: «таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить» [9, 50].

У Замятина Левша – молодой парень. У него есть возлюбленная – бойкая тульская девка Машка. В вопросе взаимоотношения полов он не проявляет серьезности своего литературного предшественника: «Гы-ы! Машка, а Машка! – Что? – Машка, пойдем обожаться!». Когда же отец Машки, тульский купец, застаёт молодых людей за «обожанием», Левша трусит, что показано в ремарках («туда-сюда, тычется – убежать, бежать некуда», «прячется за Машку») и в реплике, обращенной к товарищу-силачу, который должен его защитить: «Эй! Силуян, сюда!» [6].

Лесковский Левша довольно понятно и связно выражает свои мысли. Речь одноименного героя у Замятина скорее напоминает речь гоголевского Башмачкина, который «изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» [4]. Когда Платов демонстрирует тульским оружейникам блоху и требует сотворить диковину почище, Левша формулирует ответ следующим образом: «Оно хотя-хоть, конечно... Кроме всего прочего... Но ежели, это самое, технически, например, так оно и не... и не то чтобы как, а вроде как как...» [6]. Слово «технически» постоянно присутствует в его речи и употребляется в разных контекстах 23 раза, видимо, по мысли автора, подчеркивая род его занятий. Приведем некоторые примеры: «Оно хотя-хоть я и Левша, а ежели технически... Да-к мы это самое...»; «Оно хотя-хоть и... пользуемся... технически... А только я нынче... уж восьмушку – это самое...»; «А что сделал, то... вот это самое и сделал. Царю... это самое... предьявите... – тогда оно и выйдет – технически»; «Нет, это, брат, может быть, у вас черти в пекле этакий студень жрут... технически...»; «Нет, веры мы русской, технически»; «Ой,

живот схватило – вот как, технически!»; «Это, может, у вас, у нехристей, дети вроде... из этой бутылки вылазют, а у нас это самое... по-православному, технически...» [6].

Замятин перестраивает сюжет лесковского сказа. Платов везет Левшу из Тулы не в Петербург к императору, а в Лондон к местным мастерам, чтобы они выведали у него секрет: что же тульские оружейники сделали с блохой. Левша секрет не выдает, несмотря ни на какие ухищрения со стороны англичан: его пытаются напоить, соблазнить женщиной, техническими чудесами. При этом знаменитые ружья, которые не чистят кирпичом, возникают эпизодически и больше нигде не «звучат». У Лескова же они превращаются в одну из важных деталей, играющую символическую роль в развязке произведения.

Свой секрет Левша рассказывает только царю, уже вернувшись в Россию. Причем последнего совершенно не смущает тот факт, что блоха больше не танцует, а Левша, наоборот, терзается из-за того, что испортил дорогую и технически сложно устроенную вещь. В лесковском сказе тульский мастер об этом не думает. Его волнует другое: в России ружья чистят кирпичом, а это их портит и ослабляет военную мощь государства.

Финалы произведений также разные. У Лескова герой умирает, у Замятина остается в живых, несмотря на то что его бьют и топят. Здесь он похож еще на одного фольклорного персонажа – Петрушку, который хотя и пропадает в конце представления (его утаскивают вниз черт или собака), снова живой и невредимый появляется в следующем.

Таким образом, лесковский Левша в пьесе Замятина зажил своей жизнью, образ и сюжет претерпели значительные трансформации, но привязка к Туле сохранилась. Более того, все показанные в пьесе локации (Петербург, Тула, Англия) выглядят примерно одинаково: «...Петербург – тульский, такой, о каком вечерами рассказывает небылицы прохожий странник», «Англия – тоже, как и Петербург, тульская – очень удивительная» [6].

Образ Левши в качестве символа региональной идентичности появляется еще в одном литературном тексте – сказе И.Ф. Панькина «Легенды о мастере Тычке» (1981). Уже обозначая жанровую принадлежность своего произведения, автор словно отсылает нас к творению Лескова, но выступает не только и не столько как последователь и продолжатель традиции, но и как оппонент и соперник. Тычка Панькина – это своеобразная альтернатива Левше: он не пьет спиртного, не унывает, находит выход из любых жизненных ситуаций, не подчиняется властям, он вечно живой, переходит из эпохи в эпоху, его образ сливается со знаковыми для тульской региональной идентичности личностями (Демидов, Руднев), у него много учеников, которым он дает мудрые советы и наставления, в учениках тоже продолжается его жизнь. Одним из его учеников, как ни странно, является Левша: «У Тычки учился мужичок-чудачок, с косинкой-хитринкой на левый глаз. Он и молоток держал в левой руке. На заводе его так и прозвали Левшой. У Левши вид был настолько неказистый, что все думали, он и мастеровым будет неказистым. Да и Тычка учил его делать только гвозди. <...> И Левша ими подковал блоху» [12]. Здесь мы видим очевидную отсылку к тексту Лескова: «я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты» [9, 45].

Связанные лесковским контекстом образы – Левша и гвоздь – появляются в финале произведения Панькина. Закономерно, что там звучит тема памятника: «В Туле давно мечтали поставить памятник Левше. И однажды объявили конкурс на создание монумента легендарному умельцу. Вскоре со всех концов России посыпалось столько проектов, что у наших ценителей искусств кругом пошла голова. Один памятник был величественнее другого, и не знали, на котором остановиться. <...> А в Туле от работ Левши остался только один гвоздик, которым он прибавал подковы блохе, да и тот держали под семью замками. <...> Оказывается, парень из этого гвоздя выковал самого Левшу. И его работу признали самым лучшим памятником Левше» [12]. Это памятник не только Левше, но и всем тульским оружейникам, мастерство которых автор прославляет на протяжении своей книги.

Помимо явных отсылок к лесковскому Левше, когда его имя, например, вводится буквально в первые строки произведения («Гуляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля:

"Чиж-ж! Левша-а! Тычка!"» [12]), в «Легендах о мастере Тычке» есть и скрытые аллюзии. Так, некоторые оружейники, о которых говорится в сказе, создают миниатюрные изображения и выполняют чрезвычайно мелкую работу, как это делал Левша. Прежде всего таким мастерством обладает сам Тычка: «Когда принесли лупу, то оказалось, что мой мастер на кончике носа отгравировал второй портрет фабриканта: на этот раз он его изобразил не сидящим в позе царя, а выглядывающим из собачьей конуры» [12]. Еще один мастер – Егорка – мог «на мушке ружья создать целые картины из охотничьей жизни» [12]. Наконец, безымянный парень сделал из гвоздика, которым была подкована знаменитая блоха, самого Левшу. Этот умелец «добился того, что мог на торце спички укладывать сто подков и свободно расписываться на кончике иглы» [12].

Образ Левши органично включается в сказе Панькина в ряд других символов региональной идентичности, составляет с ними особую систему образов, из которых складывается образ Тулы (оружие, Тульский оружейный завод, Кремль, реки, улицы, пряники, самовар, гармонь, баян, резной наличник).

Рассмотрев образ Левши в драматическом и эпическом текстах, обратимся к лирике. В стихотворении М. Светлова «Автодор» читаем: «Не доев густого / Кулеша, / В Лондон отправляется / Левша, / До чего уж примитивна / И плоха / Английская знатная / Блоха...» [М.А. Светлов. Автодор: «То нас ветер гонит / По полям...» (1928), НКРЯ]. Автодор – это учрежденное в 1927 г. Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР. В стихотворении Светлова в контексте размышлений о бескрайности России, бездорожье и вечных скитаниях возникает образ Левши, возможно, как символ стремления к техническому прогрессу, зарубежный источник которого обманчив и не соответствует русским реалиям.

Образ Левши использует в своей песне «Зимняя сказка» А. Башлачев: «В тесной кузнице дня лохи-блохи подковали Левшу» [А.Н. Башлачев. Зимняя сказка: «Однозвучно звенит колокольчик Спасской башни Кремля...» (1984), НКРЯ]. Образ Левши снова вплетен в контекст, в котором важную роль играет мотив движения: «Поэтическое движение героя происходит на фоне живописных образов оставляемых им пространств: русской деревни, которая предстает как "эскадра в строю": "проплывают корабли деревень", "дымы из печи – столбовые мачты без парусов", "плывут до утра хутора", "но берут на таран всероссийскую столетнюю мель"» [13, 54]. Кроме того, А.В. Гавриков находит в этом тексте квазисюжет, связанный с особыми представлениями автора о времени: «"действие" начинается ночью (реже – вечером), основные события происходят ночью (герой жив), а завершает все – утро, несущее нечто эсхатологическое» [3, 106]. Перевернутость традиционных оппозиций (утро, день – смерть, ночь – жизнь) в этом тексте словно поддерживается перевернутостью лесковского сюжета: «лохи-блохи подковали Левшу». Лирический субъект существует в перевернутом мире, в котором нарушено равновесие и нет точек опоры.

Итак, прибегнув к литературной мистификации (выдав сюжет за фольклорный), Н.С. Лесков создал образ тульского оружейника, превратившийся в символ региональной идентичности. Определение «тульский» по отношению к Левше становится постоянным эпитетом. Привязка к тульскому контексту сохраняется у образа Левши в произведениях других авторов (пьеса «Блоха» Е. Замятина, сказ «Легенды о мастере Тычке» И. Панькина). Однако, попадая в лирику, образ тульского мастера теряет региональную привязку и расширяет значение до символа национальной идентичности. Можно сказать, что подобное расширение происходит и в пространстве языка.

1. Бухштаб Б.Я. Комментарии: Н.С. Лесков. Левша // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 7. С. 498–508.

2. Бухштаб Б.Я. Об источниках «Левши» Н.С. Лескова // Литературоведческие исследования. М., 1982. С. 72–101.

3. Гавриков В.А. Эпический субтекст в мифопоэтической системе А. Башлачева // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: Материалы I Междунар. науч. конф. Пятигорск, 2006. Т. 1. С. 101–112.
4. Гоголь Н.В. Шинель. URL: <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html> (дата обращения: 15.11.22).
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
6. Замятин Е. Блоха. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1925_bloha.shtml (дата обращения: 15.11.22).
7. Кучерская М.А. Приключения блохи: к истории канонизации Н.С. Лескова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. СПб., 2015. Т. 10. С. 354–358.
8. Лесков Н.С. О русском левше // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 11. С. 219–220.
9. Лесков Н.С. Левша (Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе) // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1973. Т. 4.
10. Минеева И.Н. Эффект левизны, или отношения Н.С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 7. С. 70–75.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.11.22).
12. Панькин И.Ф. Легенды о мастере Тычке. URL: <https://coollib.com/b/486872-ivan-fedorovich-rankin-legendyi-o-mastere-tyichke/read> (дата обращения: 16.11.2022).
13. Первушина Е.А., Стародумова В.И. Циклообразующий мотив движения в «Таганском концерте» Александра Башлачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №. 3-1(81). С. 52–55.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
17. Черенкова Б.В. Эволюция лексического значения антропонима «Левша» в русской лингвокультуре // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. М., 2022. С. 1138–1144.